

А.Ш.ЖИЛКУБАЕВА

НАИМЕНОВАНИЯ МОЛОЧНОЙ УТВАРИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ.

В последние годы большое внимание уделяется вопросам взаимодействия языка и культуры, так как многие языковые факты по праву можно считать «памятниками культуры народа, зеркалом жизни нации [1,7].

Изучением языковых единиц в культурно — историческом и этнографическом контексте занимается этнолингвистика у источников которой стояли И.Г.Гердер и В.Гумбольд. В последнее время этнолингвистические исследования на материале различных языков получили широкое развитие. В славянском языкознании это труды Н.И.Толстого, А.Ф.Журавлева, В.В.Иванова, в казахском языкознании — работы А.Т.Кайдарова, Е.Жанпеисова, Ж.Манкеевой, Р.Н.Шойбекова, Р.Иманалиевой и др.

Вслед за академиком Н.И.Толстым под этнолингвистикой мы понимаем «направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции [2,182].

В этой связи несомненный интерес представляет молочная утварь тюркских народов.

Известно, что основными блюдами и продуктами тюркских народов являются молоко и молочные продукты. Видимо, этим можно объяснить и наличие в народе различного рода суеверий, обычаев и традиций, связанных с ними. Молоко выступает носителем качественных характеристик мира. Оно воплощение белизны, символизирующей истинность, великолепие, сакральность.

Почитание молока и молочных продуктов как культурных ценностей, принадлежности к родовой группе, сообщало их вместилищам особый статус.

Высокий семиотический статус придавался сосудам для приготовления кумыса. Причастность этих сосудов к категориям макрокосма у тюрков подтверждалась их положением в микрокосме жилого пространства. Так, например, у тюрков Южной Сибири бурдюки и кадки для приготовления молочных продуктов располагались в верхней зоне женской половины.

Халка — монголы устанавливали аналогичные сосуды на почетной мужской половине. Западные монголы и буряты в переднем углу, за очагом, против входа в жилище. Буряты помещали бурдюк у северного столба бревенчатой юрты. Таким образом, местонахождение сосудов для молочных продуктов в жилище тюрко — монгольских народов, совпадало с точками максимальной сакральности, наделенными способностью обозначать ту часть мифологического пространства, где сконцентрированы созидательные потенции природы.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на термин **саба** служащей для номинации кожаных или деревянных сосудов для приготовления кумыса, айрана в алтайском, хакасском, казахском, киргизском, башкирском и др. языках. Известный практически всем тюрко — монгольским народам, он преимущественно употреблялся в значении «посуда» или «сосуд». Но наряду с этим в тувинском языке слово **саба** и его производные обозначали вместилище вообще, а также женский детородный орган — **уруг савазы** (матка животных — оол савазы) [3;249].

С тувинским можно сравнить монгольское саба «посуда», «сосуд», «вместилище», «восприимчивость», «орган» (анатом), а также бурятское саба «матка» (анатом) [4;379].

Связь молочных сосудов с женским рождающим началом в различных ритуалах усиливается их соотносительностью с универсальной космической структурой. Молоко, «опосредуя» оплодотворение, служило символом приобщения женщины к верховному божеству, к вечной плодоносящей силе Космоса. Ее средоточием в алтайской фольклорной традиции служило молочное озеро — неисчерпаемое хранилище душ — зародышей.

«Бай — Ульгень перед рождением ребенка», — писал В.Радлов, — заставляет сына Яика принести жизненную силу новорожденного из молочного озера (Сут — Кол) которая и остается у ребенка на всю жизнь [5;19].

У южных алтайцев орнаментированная кожаная фляга тажжур сопровождала человека на протяжении всей жизни. Порой ее изготовление приурочивалось к рождению ребенка. Вещь как бы

фиксировала появление нового члена общества, несла информацию о нем.

При первой стрижке волос ребенок дарил таю «дяде с материнской стороны» специально для этого сделанную маленькую флягу. Получив подношение, дядя стриг племяннику волосы и делал ответный подарок. Обмен подарками должен был обеспечить счастье обеих сторон.

Тажуур был неизменным атрибутом свадебного обряда. Он выступал в качестве искупительного дара, передача которого закрепляла брачный обмен. Сосуд словно бы опосредовал контакт двух семей и родовых коллективов. Вместе с тем он соотносился с личностью владельца: лента, которую привязывали к горлу сосуда, символизировала душу жениха или светлые, добрые намерения пришедших.

У теленгитов орнаментированная фляга служила знаком мужского захоронения. Таким образом, кожаный сосуд выступает на просто маркером, но в ряде случаев заместителем человека [6;163].

Видное место в свадебном обряде башкир занимал сосуд для кумыса **саба**. В ходе церемонии «собрания сабы» — (свадебного сабантуя), сводившегося к коллективному угощению, он опосредовал контакт двух семей, установление родственных отношений.

Роль сосуда как представителя семьи проявлялась во время торжества, когда жених собирался увозить невесту. Перед расставанием она обнимала кумысный мешок в родительской юрте, благодарила его, что так долго ее питал, прикрепляла к нему небольшой подарок.

В этой ситуации сосуд словно бы выступал в качестве старшего родственника, дающего пищу, — воспитание, жизнь. Он олицетворял единство, а в широком понимании, означал тесную связь, солидарность, верность роду. [6;154].

Наглядным вещественным воплощением богатства и социального статуса служила молочная утварь в ритуальной практике якутов. Не случайно в старину количество кожаных чанов с кумысом, выставленных **на ысыахе** (празднике), точно соответствовало числу табунов у его устроителя.

По представлениям якутов, во время праздника божественная благодать нисходила на молочные сосуды. Первый чорон подносили к губам жеребца, затем животное окропляли кумысом. После этого народ рассаживался вокруг кожаных чанов. Первый полный стакан все выпивали одновременно.

В контексте ритуала подобные действия, без сомнения, определялись символикой оплодотворения. В их основе лежала, возможно, своеобразная интерпретация реальных свойств молока. Питающее человека в младенчестве, являющееся основой жизнеобеспечения общества скотоводов — кочевников, оно могло осмысляться и как первопричина жизни, как начало, обеспечивающее воспроизводство человеческого рода. В образе великой богини — покровительницы плодородия тюркоязычных народов, особенно акцентировались черты, указывающие на ее материнскую природу. Прежде киргизы про особенно урожайные годы говорили: «... из груди матери Умай молоко течет» [7;128].

Не менее любопытна роль **архата** (кожаного бурдюка) в свадебном обряде западных монголов. После благопожелания, посвященного ему, невеста становилась полноправным членом семьи жениха. В конце свадебного пира отец жениха шомполом от ружья открывал занавес, за которым находилась девушка, и произносил: «Из шкуры быка сделай кожаный сосуд (**архат**) и сиди на нашем месте, из шкуры слона сделай **архат**, из дерева занзан сделай мешалку для кумыса (**булур**) и сиди на нашем месте». Затем он снимал покрывало с лица невесты и говорил: «Открой глаза и смотри свободно». Таким образом «сделать **архат**» означало войти в дом, в круг родственников, стать хозяйкой. При этом исполнялись песни:

К нашим головам наших тел
Прибавятся ли еще головы?
Дастся ли белый шалтрак?
Узкая стоянка будет ли обширной?
Большой аркыт (кожаный мех) с закваской
Будет ли неисчерпаем? [6;134].

Этнографический подход в изучении лексики отличается от других, например, кулинарного или нутриционистского, в частности, тем, что этнографов пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности, а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, традиционные для данного общества. Этнографов интересуют, во — первых, повседневные, поведенческие аспекты питания. Для него важно не только то, что именно люди едят, но и как они это делают, как при этом располагаются, какой утварью и посудой пользуются, как именно используют эту утварь и посуду. Так, например,

казахи в качестве емкостей для хранения пищи широко использовали и используют внутренние органы животных: шкуру, шерсть. Отсюда характерные сочетания лексем: **бір тостық қымыз**. Торсық — емкость из козлиной шкуры; **бір қарын май** — емкость, изготовленная из желудка крупного рогатого скота; **бір қап құрт**, қап — мешок из шерсти животного. У славян эти емкости часто изготавливаются из дерева и глины, что нашло отражение в сочетаемости лексем: бочка грибов, (меда, капусты), горшок шей (каши): кринка молока и т.д.

Самым распространенным наименованием молочной утвари является **саба** — бурдюк для приготовления и хранения кумыса, сшитый из выделанной кожи лошади или другого крупного рогатого скота. Чтобы придать нужную форму, его наполняли песком, затем промывали, слушали, коптели. Смазанная жиром, она становилась влагонепроницаемой. Имела форму пирамиды — квадратное основание, переходящее в узкую горловину. Специальная подставка и подвязывание за горловину к решеткам юрты придавали ей устойчивость. Вместимость 8—10 ведер. Богатые казахи в прошлом имели **саба** емкостью 30—40 ведер. Один из таких **саба** описывается в романе С.Муканова «Промелькнувший метеор». «Владея тысячами табунами, чванливый и гордый, он как то повелел изготовить сабу для кумыса из шкур шести крупных жеребцов.[9].

Такого кожаного бурдюка ни у кого не было. Бурдюк получил название **тай** — **жүзген** и «стригунок может в нем плавать». Дважды в год эта саба до краев наполнялась кумысом. Весною, когда кобылиц отбирали для дойки, в тай — жүзген струились потоки пенистого напитка, известного под имени кумыз — мурындык, иначе говоря кумыс, бьющий в нос. Осенью, после окончания дойки, в сабу лился сырге — молдиретер или чистый кумыс, убереженный от жеребят».

Көнек — кожаный сосуд в виде чайника с загнутым носиком диаметром 30 см и высотой 20 см. Предназначен для доения кобылиц. Изготавливается из обработанной верблюжьей кожи (көн). Украшался орнаментированным тиснением. У В. Радлова конак — род бурдюка, в который доят верблюдов.

Мес — вид посуды из козлиной или телячьей кожи. С телянка или козла снимается кожа целиком (дудкой), через небольшой разрез, сделанный от заднего прохода, шерсть на коже сбрасыва-

ется, внутренняя сторона очищается. И вся кожа сильно коптится, разрез зашивается, отверстия на нее и ножках стягиваются веревочками. Молоко наливается в этот своеобразный сосуд (**мес**) через шейную дыру, которая затем завязывается. Взбалтывают кумыс в этой посуде, катая его по полу. Готовый кумыс разливается из которой —нибудь ножки [10].

Торсық — кожаный сосуд для кумыса емкостью 3—10 у казахов, киргизов, каракалпаков, туркменов. Изготавливается из кожи, снятой с шеи верблюда, быка, оленя. При изготовлении, чтобы придать ему форму сплюснутого с боков шара, его набивали мокрой глиной или песком. Торсық украшали тиснением. Горловина сосуда закрывалась деревянной пробкой [8; 501].

Наименования молочной утвари встречаются и в хакасском языке [7]. **Тонерчик** — кожаный мешок с узким горлом и широким дном; **торба (торбы)** — бурдюк сделанный из кожи дикой козы; **тохтан** — бурдюк для молочных продуктов; **сугдо (сугдек)** — приспособление для снятия накипи с масла; **таарчых** — мешочек, сделанный из мошонки животного (чаще для соли); **суузек** — берестяное ведро для сметаны; **сапчях** — небольшая кадка, вмещающая 4 — 5 ведер жидкости; **айран ачытчаң сапсах** — кадка для закваски айрана; **хоты** — мешочек, сделанный из части желудка. Надувают рукав желудка и прокоптив его в дыму, наливают туда один пунт масла. **хоох** — мешочек из мочевого пузыря телянка; **харын** — желудок, высушенный и прокопченный для хранения масла; **похтарга** — деревянное ведро для молока; **похча** — кожаный мешок, сделанный из кожи крупного рогатого скота.

Из вышеизложенного следует, что преобладающей посудой тюркских народов для хранения молочных продуктов были кожаные сосуды, так как основным видом хозяйственной деятельности было скотоводство. Отсюда и сочетания лексем: **бір торсық сүт, бір қарын май, бір саба қымыз** и т.д.

Во — вторых, молочные продукты считались сакральными, и поэтому их вместилищам тоже относились бережно, к тому же многие обряды были связаны с ними (**саба жию, актық байлау** и т.д.). В — третьих, изучая лексику любого народа, мы можем познать дух и характер народа. В — четвертых,

« ... в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных

значений социальных стереотипов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено» [11;2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Т.* Язык и культура. М.: Русский язык, 1976. С. 248.
2. *Толстой А.Н.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании. Язык и этнос. Л.: Наука, 1983.
3. Русско-тувинский словарь. М., 1980.

4. *Бимбаев Р.* Монгольско-русский словарь. М., 1973.
5. *Radloff V.* Aus Sibirien. Leipzig. 1884.
6. Традиционное мировоззрение тюркских народов Южной Сибири. Новосибирск, 1988.
7. *Бутанаев В.Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999.
8. Краткая энциклопедия. Алматы, 1985.
9. *Муканов С.* Промелькнувший метеор. Алма-Ата: Жазушы, 1973.
10. *Добрамыслов А.И.* Кумыс // Средняя Азия. 1910. №5.
11. *Леонтьев А.А.* Деятельность. Сознание. Личность, М., 1975.